

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-29-50

© М. А. ФРОЛОВ

Н. К. ГУДЗИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК: К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА. ЧАСТЬ 1: 7 МАЯ 1923 ГОДА — 28 МАЯ 1924 ГОДА

В последние три десятилетия отмечается устойчивый и растущий интерес к деятельности Государственной Академии Художественных Наук (далее — ГАХН) и сотрудничеству с ней выдающихся представителей научной и художественной интеллигенции. Регулярно выходят статьи и публикации по этой теме. Среди них выделяется целый корпус работ, посвященных литературоведению как одному из главных направлений деятельности ГАХН и Литературной секции (далее — ЛС) в частности.¹ По замечанию А. П. Дмитриева, «во второй половине 1920-х в филологической работе академии особенно выделяется Литературная секция с ее подсекциями теоретической поэтики, <...> русской литературы, западной литературы и т. д. Именно в рамках этих двух последних подразделений в академии велась <...> привычная филолого-академическая работа».² Более того, работа секции отличалась

¹ См.: *Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод (Материалы к теме) // *Русская литература.* 1992. № 1. С. 180–187; *Морев Г. А.* К истории юбилея М. А. Кузмина 1925 года // *Минувшее.* М., 1997. Вып. 21. С. 353–375; *Дмитриев А.* Литературоведение в ГАХН между философией, поэтикой и социологией // *Logos.* 2010. № 2. С. 105–121; *Усов Д.* «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Т. Ф. Нещумовой. М., 2011. Т. 1. Стихи, переводы, статьи. С. 471–499; *Нефедьев Г. В.* К истории русского символизма: С. Н. Дурылин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: материалы и исследования. М., 2014. С. 253–258; *Вендитти М.* Философские основания литературоведения в ГАХН // *Искусство как язык — языки искусства.* Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов: исследования: В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 227–263 (см. также материалы по интересующей нас теме — доклады Г. Г. Шпета, В. П. Зубова, П. С. Попова, раздел «Категории эстетической рефлексии: форма, образ, стиль, время, произведение»: Там же. Т. 2. С. 339–346, 379–526, 771–776); *Богомолов Н. А.* 1) Из комментаторских заметок. 4. К публикациям статей С. Н. Дурылина о символизме // *Литературный факт.* 2017. № 4. С. 277–290; 2) Другое литературоведение: Занятия Подсекции истории русской литературы ГАХН 1925–1929 // *Русская литература и философия: пути взаимодействия.* Сб. статей. М., 2018. Вып. 1. С. 461–475; 3) Борис Пастернак и ГАХН // *Russian Literature.* 2018. № 100–102. С. 275–288 (ср.: *Богомолов Н. А.* Разыскания в области русской литературы XX века: В 2 т. М., 2021. Т. 2. От fin de siècle до Вознесенского. За пределами символизма. С. 260–289); *Павлова М. М., Богомолов Н. А.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // *Литературный факт.* 2021. № 1 (19). С. 8–60; *Римонди Дж. А. Ф.* Лосев о Ф. М. Достоевском. О деятельности Лосева в Литературной секции ГАХН // *Вестник РУДН. Сер. Философия.* 2021. Т. 25. № 1. С. 89–102; Тезисы доклада С. М. Соловьева о поэзии Е. А. Баратынского / Подг. текста В. П. Троицкого; вступ. статья и комм. Ю. Ю. Анохиной // *Русская литература.* 2021. № 4. С. 201–208, и др.

² *Дмитриев А.* Литературоведение в ГАХН между философией, поэтикой и социологией. С. 106–107.

широтой охвата в разработке важнейших филологических проблем и одновременно с этим — смелостью в постановке новых вопросов и оригинальностью подходов к их решению, о чем писал Н. А. Богомолов: «Литературная секция вела обширную работу в области изучения истории литературы и литературы современной, учитывая теоретические достижения, но далеко ими не ограничиваясь».³

Настоящее исследование ставит своей задачей представить по возможности полно деятельность историка литературы, текстолога, педагога Николая Каллининовича Гудзия (1887–1965) в ГАХН, ввести в научный оборот тексты докладов ученого, а также зафиксированные документально выступления его коллег в прениях. Основное внимание в предлагаемой читателям работе уделено выступлениям ученого на заседаниях ЛС и Социологического отделения. За ее пределами остаются выступления Гудзия в прениях по докладам коллег, а также подробный рассказ о его сотрудничестве с другими отделениями и секциями ГАХН, об участии в фундаментальных издательских проектах, поскольку публикация этих материалов увеличила бы ее объем в несколько раз.

В мае 1934 года в «Curriculum vitae», составленном по просьбе В. Д. Бонч-Бруевича для Государственного литературного музея, Гудзий писал: «С 1923 по 1929 г. <...> состоял действительным членом Государственной академии художественных наук и был в ней председателем подсекции русской литературы. Выбыл из Академии ввиду сокращения штатов...»⁴ За этим лаконичным сообщением — семь лет насыщенной, разнообразной и весьма плодотворной работы в уникальном научном учреждении с трагической судьбой, которую разделили многие его сотрудники. 12 февраля 1930 года, когда разрушительная по своим последствиям кампания по реорганизации, а в действительности — ликвидации Академии, уже набирала обороты, Гудзий обратился с заявлением в Научно-техническую секцию Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР. Мы хотели бы процитировать этот важный документ в самом начале, открывая именно им корпус выявленных документов, поскольку ученый говорит о своем многолетнем пути безупречного служения науке, в том числе — о своей работе в Академии: «Постановлением Главнауки Наркомпроса я отчислен из ГАХН, в которой состоял действительным членом и в течение 6½ лет занимал должность заведующего п/с русской литературы, ныне, в связи с реорганизацией ГАХН, упраздненной. Не видя ни в характере своей научной работы, ни в направлении своей педагогической деятельности каких-либо понятных для меня мотивов, оправдывающих это отчисление, я обращаюсь в Научно-техническую секцию ГУС'а с просьбой о пересмотре постановления, которое сделано было в отношении меня Главнаукой <...> Свою научную школу я прошел в Киевском университете под руководством профессора, затем академика В. Н. Перетца, прививавшего своим ученикам методы исследования, им самим унаследованные от Александра Веселовского. В этой школе, как и в научной позиции Веселовского, социологическая интерпретация памятников литературы, далекая от привкуса эстетического и философского импрессионизма, занимала далеко не последнее место.

В своих последующих работах по истории русского театра XVIII в., по Пушкину и поэтам его поры, по Толстому и по истории русского символизма

³ Богомолов Н. А. Другое литературоведение. С. 462.

⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. № 761. Л. 6.

(преимущественно по Брюсову)⁵ я стремился к строгой фактичности и документальности в своих выводах и построениях <...>.

В п/с русской литературы, которой я руководил, я наладил бессрочную плановую работу по истории русской литературы XIX и XX вв., носившую строго исследовательский характер <...>.

Рядом с научной деятельностью я занят и деятельностью педагогической, преподавая в высшей школе историю русской литературы непрерывно с 1915 года. Мной также составлены методические письма по русской литературе для Отдела заочного обучения при ГАХН. За все время существования этого отдела я неоднократно выступал по поручению Научно-показательной части ГАХН с научно-популярными лекциями в клубах и библиотеках.

Все сказанное, как мне думается, дает мне право считать свою работу в ГАХН бесполезной. Устранение же от этой работы ставит меня в положение человека, изолированного от живой связи с научно-исследовательским учреждением и его научным коллективом.

Я уверен, что мог бы быть полезен для ГАХН и в тех новых условиях ее существования, которые диктуются фактом ее реорганизации».⁶

* * *

Действительным членом Литературной секции ГАХН Гудзий, в то время — профессор 2-го МГУ, стал в октябре 1922 года⁷ (ровно через год после ее организации), а в мае 1923 года на него были возложены обязанности заведующего Подсекцией русской литературы (Исторической подсекцией).⁸ Велико было участие Гудзия и в образовательном процессе, осуществлявшемся в рамках работы ГАХН — под его началом работала В. А. Дынник-Соколова (занималась, в частности, творчеством А. С. Пушкина и теоретико-литературными проблемами), а Н. В. Кенигсберг-Волькенау и А. Н. Богоявленский, зачисленные практикантами в подсекцию русской литературы в июне 1925 года и в мае 1926 года соответственно, изучали под руководством Гудзия творчество М. Кузмина и И. Анненского.⁹

Гудзий был консультантом по литературе Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении,¹⁰ на заседаниях которого

⁵ Полный перечень трудов Гудзия этого периода см.: Библиография трудов Н. К. Гудзия / Сост. А. К. Гудзий, В. И. Зайцев, А. Н. Робинсон // Воспоминания о Н. К. Гудзии. М., 1968. С. 152–154.

⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. № 170. Л. 31–32 об. В трудовой книжке Гудзия указана точная дата его увольнения — 1 февраля 1930 года, с формулировкой «по сокращению штатов» (Там же. № 763. Л. 4 об.). 14 января 1930 года имя ученого последний раз появляется в протоколе заседания расширенного Президиума ЛС, где к нему, как к представителю секции при Научно-показательной части, обращаются с просьбой принять участие в выработке плана проведения научно-просветительских лекций (Там же. Оп. 6. № 90. Л. 62; № 103. Л. 29).

⁷ Об этом свидетельствует и протокол заседания ЛС от 25 октября 1922 года, на котором Гудзий был единогласно избран в число действительных членов ГАХН (Там же. Оп. 1. № 8. Л. 26). См. также: Там же. Оп. 10. № 170. Л. 2 (личное дело, карточка-формуляр); ср. его указание в анкете 1926 года: «Нахожусь на службе в ГАХН с 1922 г.» (Там же. Л. 20).

⁸ В трудовой книжке Гудзий указал, что был утвержден действительным членом ГАХН 20 октября 1922 года согласно протоколу заседания Правления ГАХН, однако в тот день состоялось лишь выдвижение его кандидатуры на обсуждение (Там же. Оп. 1. № 8. Л. 22). Заведование Подсекцией русской литературы (Исторической подсекцией) ЛС было закреплено за Гудзием 19 мая 1923 года на заседании Ученого совета ГАХН (Там же. Оп. 10. № 763. Л. 3–4).

⁹ Там же. Оп. 6. № 30. Л. 12, 83; № 29. Л. 55. В 1923–1924 годах Богоявленский был одним из участников Семинария по изучению символизма, организованного Гудзием во 2-м МГУ.

¹⁰ Там же. Оп. 1. № 50. Л. 25 об.; Оп. 10. № 170. Л. 9, 16, 11. Консультантом Отдела Гудзий был назначен в сентябре 1923 года (Там же. Оп. 13. №. 5. Л. 12).

выступал с докладами и в прениях по выступлениям коллег. В феврале 1925 года, когда была организована редакция «Литературной энциклопедии», Гудзий также вошел в ее состав и в последующие годы неоднократно участвовал в обсуждении композиции и содержания будущего издания.¹¹ В 1924–1925 годах Гудзий был представителем (от ЛС) Научно-показательного отдела, среди главных задач которого были популяризация научного знания и организация лекций, концертов, выставок.¹² В 1925–1927 годах он входил в Редакционную комиссию по подготовке «Большой художественной энциклопедии»,¹³ некоторое время исполнял обязанности секретаря Бюро Терминологической комиссии по подготовке «Терминологического словаря» при ЛС. В специальном библиографическом томе «Энциклопедии художественных терминов», посвященном литературоведению, за Гудзием в октябре 1927 года была закреплена подготовка библиографии основных работ по истории литературы.¹⁴ В 1929 году, когда было организовано заочное литературное отделение ГАХН, кандидатура Гудзиева была выдвинута на должность руководителя отдела русской литературы на Пленуме ЛС 28 января.¹⁵

Материалы личного дела Гудзиева в ГАХН, сохранившиеся в фонде Академии отчеты и протоколы, сопутствующие им документы (РГАЛИ), а также обращение к личному архиву ученого (РГБ) позволяют восстановить даты и названия практически всех докладов Гудзиева, прозвучавших на заседаниях и вечерах, организованных разными структурными подразделениями ГАХН:

1923 год

7 мая — «Инструментовка стиха у Тютчева» (заседание ЛС).¹⁶

1924 год¹⁷

16 января — «Стихотворные рукописи 1-го литературного конкурса ЛИТО Наркомпроса 1921 года» (заседание Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении).¹⁸

29 февраля — «Тютчев и немецкий романтизм» (заседание Исторической подсекции ЛС).¹⁹

29 марта — «Драматические произведения конкурса ЛИТО Наркомпроса» (заседание Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении).²⁰

¹¹ Гудзиев и И. И. Гливенко было поручено редактирование раздела историко-литературных терминов (Там же. Оп. 6. № 43. Л. 21 об.; № 55. Л. 197; № 16. Л. 46).

¹² Государственная Академия Художественных Наук. Отчет: 1921–1925. М., 1926. С. 75.

¹³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. № 50. Л. 72 об.; Оп. 6. № 15. Л. 30.

¹⁴ Там же. № 43. Л. 21, 66; № 55. Л. 197; № 29. Л. 49. Ср. в «Отчете о научных занятиях» за 1926–1927 годы: «...состоял консультантом Отдела по распространению художественных знаний и занимался разработкой программ по истории русской литературы и истории славянских литератур» (Там же. Оп. 10. № 170. Л. 27 об.).

¹⁵ Там же. Оп. 6. № 71. Л. 10.

¹⁶ Прозвучал на одном заседании с докладом Г. И. Чулкова «К истории стихотворения Тютчева „Святые горы“».

¹⁷ 20 июня 1924 года на заседании Исторической подсекции ЛС Гудзий выступил с сообщением организационного характера, посвященным двум памятным датам 1925 года — 100-летию со дня рождения И. С. Никитина и 50-летию со дня смерти В. С. Курочкина (Там же. № 6. Л. 93).

¹⁸ Там же. Оп. 13. № 5. Л. 61.

¹⁹ Прозвучал на одном заседании с докладом Г. И. Чулкова «Тютчев и Аксаков» о найденных в Мурановском архиве четырех неизданных письмах Ф. И. Тютчева к И. С. Аксакову (Там же. Оп. 1. № 30. Л. 311).

²⁰ Там же. Оп. 13. № 5. Л. 61, 130 (краткая аннотация).

28 мая — «Декларации литературных объединений в эпоху Октябрьской революции (По поводу книги Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова «От символизма до „Октября“»)» (заседание Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении).²¹

5 ноября — «Конкурс детской литературы ЛИТО Наркомпроса» (заседание Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении).

26 ноября — «Дружинин как литературный критик» (заседание Подсекции критики и литературоведения ЛС).

5 декабря — «О книге Ходасевича „Поэтическое хозяйство Пушкина“» (заседание Исторической подсекции ЛС).²²

23 декабря — «Проза 1-го конкурса ЛИТО Наркомпроса (к вопросу о литературе первых лет Октябрьской революции)» (заседание Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении).²³

1925 год²⁴

9 марта — «М. О. Гершензон — историк русской духовной культуры» (речь на заседании Пленума ЛС, посвященном памяти М. О. Гершензона).²⁵

10 июня — «Нестор Котляревский — историк русской литературы и общественной мысли» (речь на совместном заседании Пленума ЛС и Общества любителей российской словесности, посвященном памяти Н. А. Котляревского).²⁶

²¹ Там же. Оп. 1. № 30. Л. 331–332.

²² Прозвучал на одном заседании вместе с докладами М. О. Гершензона «Путешествие в Арзрум» и Л. П. Гроссмана «Мадригалы Пушкина» (Там же. № 50. Л. 60). Об этом заседании Гершензон писал в первых числах декабря 1924 года секретарю Президиума ЛС Р. С. Горст: «Будьте так добры, запросите Н. К. Гудзия вот о чем: по-моему, следовало бы заседание наше (Пушкинское) в эту пятницу объявить закрытым, потому что доклады все три *специальные*, вовсе не для публики, и публичность в таких случаях вредна для обсуждения докладов. Если он согласится, то, пожалуйста, так и отметьте на доске» (РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 20. № 20; письмо датируется нами по содержанию). Предложение Гершензона поддержано не было.

²³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. № 30. Л. 26, 27, 27 об., 28, 29. Тексты сообщений Гудзия «Стихотворные рукописи 1-го литературного конкурса ЛИТО Наркомпроса 1921 года», «Драматические произведения конкурса ЛИТО Наркомпроса», «Конкурс детской литературы ЛИТО Наркомпроса» и аналогичного выступления по материалам поэтического конкурса ЛИТО (заседания Отдела изучения революционного искусства Социологического отделения ГАХН 16 января, 29 марта, 5 ноября и 23 декабря 1924 года) мы не публикуем, поскольку назначение их содержания, с нашей точки зрения, служебное, прикладное, а не собственно историко-литературное. См., в частности: Там же. Оп. 13. № 5. Л. 77–80, 97–99 об., 130.

²⁴ В 1924/1925 академическом году намечались также доклады Гудзия «О творчестве Языкова» («Из области поэтического творчества Языкова») и «Пушкин и Жуковский» (Там же. Оп. 6. № 15. Л. 5, 76; № 6. Л. 92 об.; перспективный план докладов на 1924–1925 годы), но эти выступления не состоялись.

²⁵ Повестка заседания включала также доклады Н. К. Пиксанова и М. А. Цявловского. С чтением стихотворений Гершензона выступил Н. К. Гудзий (Там же. Оп. 1. № 50. Л. 72–73; Оп. 6. № 16. Л. 57). За несколько дней до этого заседания, 6 марта состоялось объединенное заседание ГАХН и Общества любителей российской словесности, посвященное памяти Гершензона, с докладами П. С. Когана, П. Н. Сакулина, Н. К. Пиксанова и Л. П. Гроссмана (Там же. Оп. 6. № 15. Л. 39). В феврале 1925 года Гудзию, вместе с Пиксановым и Цявловским, было предложено войти в состав редакционной комиссии по подготовке сборника произведений Гершензона, а также вести переговоры с вдовой ученого М. Б. Гершензон о судьбе его архива; этим же вопросам было посвящено заседание Президиума ЛС 26 февраля (Там же. Л. 35, 41).

²⁶ На этом заседании прозвучали вступительное слово П. Н. Сакулина «Н. А. Котляревский» и доклад М. Н. Розанова «Работы Нестора Котляревского в области западных литератур», который протокол не зафиксировал (Там же. Оп. 1. № 50. Л. 72–73; Оп. 6. № 16. Л. 67 об.). Намечались в плане работ ЛС на 1925–1926 годы доклад Гудзия «Пушкин и Жуковский», а в плане Комиссии по изучению Достоевского — доклад «Сны Достоевского» (Там же. № 15. Л. 76, 77).

1926 год²⁷

28 января — «Литературная деятельность декабристов» (заседание Пленума ЛС — вечер «Декабристы в искусстве»).²⁸

26 апреля — «Первые шаги московского символизма (сборники «Русские символисты» 1894–1895 гг.)» (заседание Пленума ЛС).²⁹

18 мая — «Поэты пушкинской плеяды» (вступительная речь на литературном вечере — заседании Пленума ЛС).³⁰

1927 год³¹

14 марта — «О Гоголе» = «Гоголь и русские символисты» = «Гоголь и символизм» (вечер в ознаменование 75-летия со дня кончины Н. В. Гоголя, организованный Президиумом ЛС).³²

17 апреля — «Памяти Шевченко» = «Шевченко и русская литература» (заседание Отдела изучения искусств национальных меньшинств при Социологическом отделении).³³

²⁷ В 1926/1927 академическом году в ряду выступлений, посвященных В. Я. Брюсову и символизму в целом, планировался доклад Гудзия «Рукописное стихотворное наследие Брюсова» (Там же. № 47. Л. 2). Первое упоминание об активной работе над сборником «Ранние русские символисты» (вариант: «Ранний русский символизм») под редакцией Гудзия относится к апрелю-маю 1926 года, а уже 29 ноября на заседании Президиума ЛС Гудзий представил о ней первый отчет. Состав издания, не вышедшего в свет, первоначально включал в себя 6 статей: Л. Я. Гуревич «Символисты в „Северном вестнике“», Н. К. Гудзия «Московские сборники русских символистов», С. Н. Дурьлина «Бодлер в русском символизме» («Русский бодлеризм») и «Александр Добролюбов», В. Ф. Саводника «В. Я. Брюсов и французские символисты», Ю. Н. Верховского «Архив Ивана Коневского» (Там же. № 43. Л. 81 об.; № 29. Л. 47). Все они были представлены на заседаниях ЛС в виде докладов. В октябре 1927 года Гудзий предложил авторам распоряжаться статьями по своему усмотрению (Там же. № 55. Л. 243 об.). По данным Г. В. Нефедьева, напечатанную первую из упомянутых выше работ Дурьлина, Гудзий не оставлял надежды опубликовать сборник до 1929 года, в расширенном и измененном составе — без статей Саводника и Верховского, но со статьями А. А. Штейнберг «Журнал „Весы“ как этап в истории русского символизма (1904–1909)», Б. В. Михайловского «Лейтмотивизм как признак стиля русского символизма», Н. Т. Булычева «Блок как теоретик символизма и литературный критик», а также с другой собственной статьей «Тютчев в поэтической культуре русского символизма» (Нефедьев Г. В. К истории русского символизма: С. Н. Дурьлин о Ш. Бодлере. С. 256–258; ср.: Павлова М. М., Богомолов Н. А. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая. С. 12–13; см. также прим. 34). Весной 1929 года сборник был отвергнут Главлитом, о чем Гудзий сообщил на заседании Президиума ЛС 8 апреля (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 70. Л. 54).

²⁸ Там же. № 29. Л. 18, 20; Оп. 15. № 7. Л. 42.

²⁹ Ср.: Гудзий Н. К. Из истории раннего русского символизма (Московские сборники «Русские символисты») // Искусство. 1927. Т. 3. Кн. 4. С. 180–218.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. № 7. Л. 43. В самом начале 1926 года (январь–февраль) намечался также вечер памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина, приуроченный к 100-летию юбилею. Гудзию было предложено стать его организатором и выступить с докладом «Салтыков — драматург». Содокладчиками Гудзия должны были выступить Н. К. Пиксанов и Л. П. Гроссман. Вечер состоялся 15 февраля — Гудзий и Пиксанов участия в нем не приняли, в программу были включены доклады П. Н. Сакулина, И. Н. Кубикова, Л. П. Гроссмана и артистическая часть (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 29. Л. 19, 23; Оп. 15. № 7. Л. 42). Сборник статей сотрудников ГАХН, посвященный творчеству писателя, был анонсирован в печати еще раньше (Печать и революция. 1925. Кн. 5–6 (июль–сентябрь). С. 560).

³¹ В перспективных планах работы Подсекции русской литературы на 1927–1928 годы встречаются названия еще двух несостоявшихся докладов Гудзия — «Драматургия Толстого» и «К истории сюжета романа Пушкина о бедном рыцаре». Впоследствии вышла в свет одноименная статья ученого: Пушкин. Сб. второй / Ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 143–158. Сборник был издан под грифом Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности, действительным членом которого Гудзий был с 15 января 1922 года (Клеймёнова Р. Н. Общество любителей российской словесности (1811–1930). М., 2002. С. 587).

³² Программа вечера включала также вступительное слово П. Н. Сакулина и артистическую часть (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 43. Л. 144).

³³ Там же. Оп. 10. № 70. Л. 33. Два дня спустя Гудзий отмечает в записной книжке: «Доклад о Шевченке (хорошо!)» (РГБ. Ф. 731. Разд. П. Карг. 1. № 3. Л. 53 об.). Ср.: Гудзий Н. Письма Шевченка к С. Т. Аксакову // Искусство. 1927. Т. III. Кн. 2–3. С. 157–163.

20 мая — «Тютчев в русском символизме» = «Тютчев в восприятии и поэтической практике русских символистов» (заседание Отдела изучения искусств национальных меньшинств при Социологическом отделении).³⁴

31 октября — «Обзор новейших работ по древней литературе» (заседание Пленума ЛС).³⁵

18 ноября — «Толстой и Лесков» (заседание Подсекции истории русской литературы ЛС).³⁶

19 декабря — [Вступительное слово на вечере поэзии 1840-х годов] (заседание Президиума ЛС).³⁷

1928 год³⁸

6 февраля — «Федор Сологуб» = «Путь поэта (о Федоре Сологубе)» (вечер памяти поэта на Пленуме ЛС).³⁹

7 мая — «О книге П. Н. Сакулина „Русская литература“. Ч. I» (объединенное заседание Подсекции истории русской литературы и Фольклорной подсекции ЛС).⁴⁰

³⁴ Статья «Тютчев в поэтической культуре русского символизма» (Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 465–549), в основу которой и был положен прозвучавший доклад, имеет датировку: «Москва, 8.IX.1928». Гудзию принадлежала идея, относящаяся к 1923 году (к ней он возвращался и в 1927 году, но замысел реализован не был), подготовить к печати «Тютчевский сборник» (статьи Г. И. Чулкова, Н. А. Котляревского, Н. К. Гудзия и др.) и «Пушкинский сборник» (статьи М. О. Гершензона, Л. П. Гроссмана, И. Н. Розанова, Г. О. Винокура, Б. О. Фохта, В. Ф. Саводника, Н. К. Гудзия), см.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 15. Л. 13. Тютчевский сборник, приуроченный к 50-летию кончины поэта, был анонсирован в самом начале 1923 года как полностью готовый к печати (Искусство. 1923. № 1. С. 424).

³⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 55. Л. 243 об. Нами обнаружен лишь протокол заседания Президиума ЛС, зафиксировавший назначенную дату выступления. С докладом на ту же тему Гудзий выступил 7 декабря 1927 года на заседании Общества любителей российской словесности. Согласно записной книжке ученого, первая часть обзора «Die altrussische Literaturgeschichte in den Jahren 1914–1926» для журнала «Zeitschrift für Slawistik», в котором она в следующем году и появилась (1928. Bd. 5. H. 1/2. S. 153–175), была им завершена 19 сентября, а на следующий день отправлена редактору М. Фасмеру и В. Н. Перетцу (РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 3. Л. 91, 78). Этот факт снижает вероятность того, что состоялись два выступления Гудзия: в стенах ГАХН и на собрании Общества. Тем более что день 31 октября отмечен в записной книжке Гудзия следующей записью: «Заседание Президиума» (Там же. Л. 85).

³⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 59. Л. 13. Ср. одноименную статью, в основу которой был положен упомянутый доклад: Искусство. 1928. Т. 4. Кн. 1–2. С. 95–128. В марте 1924 года был готов первоначальный вариант статьи под тем же названием, который предназначался для «Толстовского сборника», намеченного к выпуску в Германии в сотрудничестве с московским Музеем Л. Н. Толстого. Возможно, что первый выпуск сборника «Толстой и о Толстом: Новые материалы», вышедший в Москве в том же году и открывший серию под тем же названием, планировался к печати за рубежом. Не исключено также, что это было абсолютно другое по содержанию издание (РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 2. Л. 2, 8; дневниковые записи Гудзия от 19 февраля, 12 и 13 марта 1924 года). Впоследствии, в 1927 году Гудзий, готовя текст доклада для выступления в ГАХН, очевидно, значительно переработал статью. Несомненно, что последующей редакции она подверглась при публикации в печатном органе Академии — в журнале «Искусство».

³⁷ Это выступление отмечено в записной книжке Гудзия (Там же. № 3. Л. 93).

³⁸ В феврале–марте 1928 года также планировался вечер М. Горького (объединенное заседание Общества любителей российской словесности и ГАХН), в устройстве которого должны были участвовать Н. К. Гудзий и В. В. Яковлев. Отметим еще два организационных выступления Гудзия в 1928 году: 5 марта — об упомянутом выше вечере М. Горького и 28 мая — о юбилее Л. Н. Толстого (оба — на заседании Президиума ЛС). 11 июня 1928 года на заседании Президиума ЛС Гудзий был назначен заместителем Л. П. Гроссмана на посту секретаря (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 55. Л. 15, 49, 120, 129).

³⁹ Там же. Л. 147. В программу вечера памяти Ф. Сологуба, утвержденную на заседании Президиума ЛС 30 января 1928 года, помимо упомянутого доклада Гудзия, входили также «Воспоминания о Сологубе» Г. И. Чулкова и выступления В. В. Лужского, Е. С. Телешевой, А. В. Вербицкого, Л. М. Кореневой и С. В. Шервинского с чтением произведений Сологуба. В музыкальной части вечера выступили О. Н. Бутомо-Назанова и А. В. Шацкес.

⁴⁰ Книге Сакулина «Русская литература: социолого-синтетический обзор литературных стилей» (Ч. 1. Литературная старина. М., 1928), выпущенной под грифом ГАХН, было посвящено и выступление Ю. М. Соколова, прозвучавшее на том же заседании (Там же. № 59. Л. 2).

29 ноября — «Чернышевский как критик» (объединенное заседание Пленума ЛС и Общества любителей российской словесности, посвященное 100-летию Н. Г. Чернышевского).⁴¹

7 декабря — «Лев Толстой о русской литературе» (заседание Подсекции истории русской литературы ЛС).⁴²

1929 год

13 ноября — [Речь на Торжественном совместном заседании ЛС, Общества любителей российской словесности и Общества им. А. П. Чехова, посвященном 25-летию со дня смерти писателя].⁴³

* * *

Первым зафиксированным в протоколах выступлением Гудзия стал его доклад «Инструментовка стиха у Тютчева» на заседании ЛС 7 мая 1923 года. Сохранился протокол этого заседания, но текст доклада и его тезисы в протоколе отсутствуют, как и в материалах личного архивного фонда Гудзия в РГБ. О содержании доклада мы можем получить представление из двух источников — заключительного выступления Гудзия на упомянутом заседании, а главное — из статьи ученого «Аллитерация и ассонанс у Тютчева», появившейся в 1927 году в журнале «Slavia», но во всех основных своих положениях восходящей к докладу (об этом говорит и дата ее окончания, указанная автором: «22.X.1923»).⁴⁴

Доклад Гудзия и его статья были одними из первых в литературе о Тютчеве опытов исследования «инструментовки стиха» — факт немаловажный и заслуживающий быть упомянутым. В 1923 году вышла в свет работа А. В. Артюшкова «Звук и стих». В ней несколько страниц было посвящено анализу «йотово-мягкой» инструментовки ряда стихотворений поэта: «Тютчев „музыкален“, потому что мягок, куда ни глянешь, всюду привычные, родные поэту легкие, слегка избалованные, слегка пресыщенные мягкие звуки <...> Поэт играет всевозможными видами мягкости, оттеняя ею твердость, и слышит все оттенки богатейшей русской фонетики». ⁴⁵ В 1924 году Б. М. Эй-

⁴¹ Там же. № 71. Л. 1, 6, 7. В программу заседания были также включены доклады Н. К. Пиксанова («Сердце и разум Чернышевского»), Н. Н. Апостолова («Толстой и Чернышевский»), Н. Л. Бродского «Роман „Что делать“ и его читатели» и Л. А. Аксельрод («Эстетические взгляды Чернышевского»). 17 сентября 1928 года на заседании Президиума ЛС рассматривался вопрос об устройстве заседания, посвященного Н. Г. Чернышевскому, а Гудзию было предложено подготовить доклад о сочинениях писателя в жанре литературной критики (Там же. № 55. Л. 4). Ср.: Там же. № 36. Л. 144, 194.

⁴² Там же. № 74. Л. 1. В производственном плане Подсекции истории русской литературы доклад фигурировал под названием «Поэтические вкусы Толстого» (Там же. Оп. 13. № 17. Л. 31). Это выступление впоследствии легло в основу статьи Гудзия: Толстой о русской литературе // Эстетика Льва Толстого: сб. статей / Под ред. П. Н. Сакулина. М., 1929. С. 185–239. Укажем тему еще одного выступления ученого, которое намечалось в 1928 году, но не состоялось — «Проза Некрасова» (Там же. № 17. Л. 4, 32).

⁴³ Там же. Оп. 6. № 90. Л. 69. На этом же заседании состоялись выступления П. Н. Сакулина, П. А. Маркова и И. Н. Кубикова. 23 сентября на заседании Президиума ЛС Гудзию и А. К. Шнейдеру была поручена его организация (Там же. № 70. Л. 1а). 27 сентября 1929 года Гудзий выступил на распорядительном заседании с организационным сообщением о планах работ Подсекции истории русской литературы на ближайшие два года. Основная их тема была обозначена следующим образом: «Стиль русского натурализма» (Там же. № 74. Л. 61).

⁴⁴ Гудзий Н. Аллитерация и ассонанс у Тютчева // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. 1927. Roč. V. Seš. 3. S. 456–469. В корпусе подготовительных материалов к статье (см.: ОРКиР НБ МГУ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 10) текст выступления или тезисы Гудзия не обнаружены.

⁴⁵ Артюшков А. Звук и стих. Пг., 1923. С. 70, 72. В систематическом и наиболее полном виде особенности фонетики стиха Тютчева, в том числе пересекающиеся с наблюдениями Гудзия,

хенбаум вскользь коснулся в одной из своих книг аллитерации плавных (в сочетании с «г») в стихотворении Тютчева «Весенняя гроза». Этот факт позволяет нам предположить, что ученый нашел возможность познакомиться с докладом Гудзием и даже вступить в легкую полемику с одним из его положений (на правах уточнения и придания ему большей объективности). Мы имеем в виду следующие строки Эйхенбаума: «...дело совсем не в звукоподражании грозе — при чем тут искусство? Звукоподражание и самая тема реализует и укрепляет общую акустическую основу — мощную, яркую инструментовку, абстрактно-речевой замысел».⁴⁶ Наконец, в 1929 году С. И. Бернштейн выступил в печати со статьей «Опыт анализа „словесной инструментовки“ (Первая строфа стихотворения Тютчева «Сумерки»)»,⁴⁷ пойдя вслед за Гудзием в выборе предмета исследования и отчасти — в методах его научной разработки.

Вернемся к статье Гудзием и позволим себе, не располагая текстом доклада, попытаться определить на основе содержания статьи общие проблемно-тематические «контуры» доклада. Очевидно, что от доклада она отличается, главным образом, большим количеством примеров-иллюстраций — это совершенно естественно и объяснимо, поскольку сам жанр устного выступления, каким бы продолжительным оно ни было, не позволил бы докладчику привести их в полном объеме. Вот главные, ключевые, на наш взгляд, положения статьи, а следовательно, и доклада: «Мотивы и темы, характерные для данного художника, неотделимы от манеры их словесного выражения <...> Когда будут обследованы приемы поэтического мастерства Тютчева, смысл его творчества тем самым станет для нас яснее⁴⁸ <...> Даже при беглом и послерочном усвоении стихов Тютчева инструментовка их импонирует своим богатством. Особенно это приходится сказать относительно аллитерации. Аллитерируют у Тютчева, главным образом, плавные (*p*, *л*), но не только они одни. На аллитерации плавных у Тютчева построен ряд стихотворений, причем аллитерирующие звуки часто проходят через всю пьесу <...> У Тютчева, как и у большинства русских поэтов, чаще всего аллитерируют плавные или в чистом виде, или — реже — в соединении с другими согласными звуками. Аллитерация плавных — звуков сонорных — наиболее свойственна русскому языку, и она, естественно, должна была занять преобладающее место в пьесах Тютчева».⁴⁹

Гудзий отметил в статье основные цели используемой поэтом инструментовки, которые ученый определяет как «способы музыкальной изобразительности поэтической речи»: «звукоподражание», соблюдение «звуковой симметрии», стремление придать стиху большую музыкальность, открытость, легкость и плавность, не связанные с тематикой (при этом он указывает примеры аллитераций на *с* и *з*, *п* и *б*, а также использование в этих же целях звуковых сочетаний *gr*, *br*, *nr*, *tr*, *dr*). Наконец, Гудзий обратил внимание на то, что зачастую в стихе у Тютчева аллитерацию сопровождает ассонанс, построенный на гласных (*у*, *ю*, *о*) и на интонационном уровне сообщающий образам поэтического текста большую выразительность. Прочитав еще один фрагмент статьи: «Помимо тех случаев, когда аллитерация (и ассонанс) определенных звуков проходят через всю пьесу, у Тютчева очень часты случаи

Артюшков представил четыре годами позднее в своей работе «Стиховедение. Качественная фоника русского стиха» (М., 1927).

⁴⁶ Эйхенбаум Б. Сквозь литературу: сб. статей. Л., 1924. С. 207.

⁴⁷ Поэтика: сб. статей. Л., 1929. Т. 5. С. 156–192.

⁴⁸ Приведем в этой связи более позднее ироничное замечание Л. В. Пумпянского: «...для романтического поэта „теория словесности“ превращается в натурфилософию» (Урания: Тютчевский альманах (1803–1928). Л., 1928. С. 15).

⁴⁹ Гудзий Н. Аллитерация и ассонанс у Тютчева. С. 456, 457, 467.

инструментовки отдельных строк и строф. В большинстве случаев здесь не приходится искать соответствия характера инструментовки со смысловым значением строфы или строки, но все же такое соответствие встречается далеко не редко». ⁵⁰ В этих случаях, как показывают примеры, приведенные ученым в статье, они служат созданию «упругой, резкой инструментовки» или, напротив, плавной и размеренной. Помимо примеров, когда «первенствующую роль играла аллитерация», а ассонанс «был, в известной мере, элементом приводящим», Гудзий в своей статье обратил внимание и на обратные случаи — «преимущественного пользования ассонансом при употреблении и аллитерации, как подсобного приема» («О чем ты воешь, ветер ночной...», «Ночные голоса»), а также на «факты равноправного существования обоих видов инструментовки стиха» («Сумерки»). Завершалась статья Гудзиев следующим обобщающим выводом: «Воспитывая свой вкус на материале романтической поэзии, Тютчев сам стремился приблизить слово к музыке. Отсюда его пристрастие к аллитерации и ассонансу». ⁵¹

Сравнивая основные положения статьи с высказанными в процессе обсуждения доклада замечаниями коллег ученого, нельзя не заметить, что многие из них Гудзий, готовя текст работы к печати, учел внимательнейшим образом.

Протокол № 18 заседания Литературной секции Р.А.Х.Н. от 7/V–23 г.

Присутствовали: Н. К. Пиксанов, Г. И. Чулков, И. Л. Поливанов, Н. К. Гудзий, М. А. Цявловский, И. Н. Розанов, Ю. М. Соколов, Б. И. Ярхо, Н. Н. Лямин, Н. М. Ченцов, Л. П. Гроссман, М. А. Петровский, О. Э. Озаровская, Н. П. Кашин, М. Д. Эйхенгольц, Г. А. Шенгели.

Председатель Н. К. Пиксанов   Секретарь Л. П. Гроссман
<...>

Доклад Н. К. Гудзиев «Инструментовка стиха у Тютчева»
Прения по докладу

Г. А. Шенгели: указывает, что прежде чем говорить о преобладании у данного поэта тех или иных звуковых групп, следует установить среднее отношение звуков в русском языке; данные группы имеют, по мнению докладчика, то или иное звукоподражательное или смысловое содержание, но этим роль инструментовки далеко не исчерпывается: рифмы или внутренние рифмы доказывают, что слух привыкает к тем или иным звукам на определенных местах стиха; этому же служит и ритменная размеренность.

Н. Н. Лямин: ⁵² указывает, что в работе, задающейся целью формального анализа, <1> необходимо приводить определенные цифры, без чего невозможно сравнение с данными других поэтов; ⁵³ 2) необходимо подчеркнуть различие между простой аллитерацией, аллитерацией звукоподражательной и аллитерацией, эмоционально окрашенной; 3) нельзя ограничить тему инструментовки изучением аллитерации и ассонансов.

⁵⁰ Там же. С. 463.

⁵¹ Там же. С. 469.

⁵² Лямин Николай Николаевич (1892–1942, погиб в заключении) — литератор, переводчик, библиотечный работник, в ГАХН заведовал Кабинетом теоретической поэтики (впоследствии — ученый секретарь одноименной Подсекции в составе ЛС).

⁵³ В статье, а значит, и в докладе Гудзиев сделал на этот счет дополнительную оговорку: «...показать качественные перспективы казалось мне важнее, чем количественные» (Там же. С. 469).

*И. Г. Эйгес:*⁵⁴ считает, что наименее существенным является учет звуков, оторванных от целого ряда других средств поэтического творчества; область, отмеченная докладчиком, наиболее уловима рассудком, но это не делает ее важнейшей в поэтическом творчестве. Нельзя абстрагировать аллитерацию от ритмических данных стиха — необходимо считаться с данными поэтической фонетики, как образной, так и звуковой.

*М. Д. Эйхенгольц:*⁵⁵ <...> в докладе необходимо при изучении инструментовки считаться не с отдельными строками, а с цельным стихотворением; эмоциональная сцепка гласных чрезвычайно сложна и в докладе недостаточно обоснована, тем более что у самих поэтов этот момент крайне импрессионистичен; необходимо поэтому обращаться к физиологическим данным учения о звуке и принимать во внимание весь комплекс звуков данного стихотворения или даже строфы.

Н. К. Пиксанов: <...> от инструментовки исследователь нередко переходит к символике звуков, области чрезвычайно спорной; необходимо, прежде всего, условиться о фактическом состоянии звуков в данном языке: характерно и нужно лишь то, что телеологично преднамеренно у поэта, и поэтому крайне нужны точные статистические учеты, ограничение субъективизма при оценках звукописи, иначе в обыденной практической речи можно на каждом шагу встречать приемы инструментовки.

Н. К. Гудзий: соглашается с тем, что учет звуковых групп в стихотворном языке чрезвычайно важен, но трудно указать те критерии и те формы, по которым возможно установление таких форм; но у поэта имеется преднамеренность. На рифме докладчик не останавливался, т<ак> к<ак> она наименее интересна у Тютчева. Цифры могут быть полезны, но для ознакомления аудитории важны выводы, а не голая статистика; звукоподражание есть разновидность аллитерации и ассонанса, и потому нет необходимости их <разграничивать>.⁵⁶ История литературы в своих оценках почти сплошь субъективна, и потому этого недостатка нельзя избежать <текст поврежден. — М. Ф.>. Углубленная органическая точка зрения на поэзию подчеркивает связь каждого стихотворного момента с творческим комплексом, но это не должно устранять анализа стихотворной техники; аллитерацию и ассонансы следует признать обязательным украшением поэзии, быть может, не абсолютно ценным, но намеренным. Они служат для строки большой музыкальной значительности; в докладе имеется анализ не только целых строф, но и анализ целых пьес. Аллитерации можно наблюдать программные и не программные; <...> одна аллитерация может быть намеренной и служить известному смыслу, другая же служит лишь музыкальной <пропуск слова. — М. Ф.> стиха.⁵⁷

* * *

Переходя к следующему докладу ученого, подчеркнем, что в статье «Аллитерация и ассонанс у Тютчева» (завершенной осенью 1923 года, но напечатанной

⁵⁴ Эйгес Иосиф Романович (1887–1953) — музыковед, историк литературы, библиограф; в ГАХН под руководством Гудзиев разработывал тему «Русская литературная традиция в творчестве символистов». Это зафиксировано, в частности, в протоколе заседания Президиума ЛС 21 ноября 1927 года: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 55. Л. 128.

⁵⁵ Эйхенгольц Михаил Давидович (1889–1953) — специалист по западноевропейской литературе, переводчик, писатель; в ГАХН состоял членом Комиссии по исследованию художественной жизни в эпоху Октябрьской революции при Социологическом отделении и заведовал Кабинетом революционного искусства Запада.

⁵⁶ Пропуск слова в протоколе.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 2. Л. 65–66 (машинопись).

спустя почти четыре года) Гудзий сам наметил и определил для себя ту тему, вновь связанную с творчеством Тютчева, к разработке которой он вскоре и приступил, свидетельством чему служит печатаемый нами ниже текст его выступления: «Свое искусство воплощения музыкальной стихии в слово Тютчев унаследовал от немецких романтиков, с которыми у него явная и органическая связь».⁵⁸ Установлению этой связи на самом высоком уровне — поэтики и философского мировоззрения — и были посвящены дальнейшие изыскания Гудзия. 29 февраля 1924 года он записывает в дневнике: «Вечером доклад мой в Академии художественных наук — „Тютчев и немецкий романтизм“. Сам я докладом не очень доволен. Все же он довольно поверхностен. Настроение мое было неважное».⁵⁹ В личном архиве Гудзия сохранился протокол заседания, зафиксировавший и основные положения прозвучавшего доклада, и выступления в прениях, — они свидетельствуют об обратном и лишней раз подчеркивают самокритичность и скромность ученого. Публикацию текста доклада Гудзия нам хотелось бы предварить кратким, но необходимым в данном случае историко-литературным экскурсом.

Тесной, «кровной» связью Тютчева с западноевропейской культурой и литературой, в частности — с романтизмом, и, главным образом, с немецкими романтиками его творчество и поэтическое мироощущение было отмечено на самом раннем этапе — уже в 1820-е годы вышли из печати его переводы из Ф. Шиллера, Г. Гейне и И. В. Гете, которые получили одобрительные отклики в печати. П. В. Киреевский, посетивший в 1829 году в Мюнхене Ф. В. Й. Шеллинга, в своем письме передавал следующую оценку, данную немецким философом Тютчеву, которому в ту пору еще не исполнилось двадцати шести лет (к этому времени они были лично знакомы⁶⁰): «...выдающийся, образованнейший человек, с которым всегда приятно общаться».⁶¹ В 1830 году И. В. Киреевский в «Обзрении русской словесности 1829 года» назвал Тютчева, С. П. Шевырева и А. С. Хомякова «поэтами немецкой школы», родоначальником которой он считал В. А. Жуковского.⁶²

Гудзий рассмотрел избранную проблему в своем докладе в том ракурсе — временном и тематическом, — в котором до него, за редчайшими исключениями, никто из исследователей ее не затрагивал — обратился к творческим связям Тютчева с ранними немецкими романтиками. Напомним, что еще в конце 1860-х годов поэт характеризовался представителями левой демократической критики как «жрец беспредметного, бесцельного лиризма», — так его определял поэт и журналист Д. Д. Минаев, зачастую опускаясь до примитивных оскорбительных определений в своих печатных выступлениях.⁶³ Таковы были, надо полагать, в понимании представителей этого лагеря отечественной критики основные черты той литературной школы, наследником которой на русской почве являлся Тютчев. Напротив, такие представители почвеннической, славянофильской, религиозной критики, как Н. Н. Страхов, называли его «поэтом очень глубокомысленным, очень

⁵⁸ Гудзий Н. Аллитерация и ассонанс у Тютчева. С. 469; курсив наш. — М. Ф.

⁵⁹ РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 2. Л. 5.

⁶⁰ Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева / Сост. Т. Г. Динесман, С. А. Долгополова, И. А. Королева, Б. Н. Щедринский; отв. ред. Т. Г. Динесман. М., 1999. Кн. 1. 1803–1844. С. 77, 82. См. также: Русский архив. 1874. № 10. С. 393–396 (свидетельство К. Пфелфеля).

⁶¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888. Т. 1. С. 201 («Das ist ein sehr ausgezeichnete Mensch, ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man sich immer gern unterhält»); пер. с нем. наш. — М. Ф.). О знакомстве и общении Тютчева с Ф. В. Тиршем и Шеллингом П. В. Киреевский сообщал, в частности, в письме к брату И. В. Киреевскому 12 (24) сентября 1829 года (Русский архив. 1905. № 5. С. 121).

⁶² Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 25.

⁶³ Дело. 1869. № 5. Отд. II. С. 26.

высоким по строю своей лиры».⁶⁴ А. А. Григорьев поддерживал тютчевское «убеждение в реальном бытии сил» и отмечал «глубокую религиозность» его поэзии.⁶⁵

Ситуация изменилась лишь спустя четверть века — А. М. Скабичевский, будто отвечая Минаеву, охарактеризовал Тютчева следующим образом: «жрец чистого искусства».⁶⁶ В 1896 году П. П. Перцов отметил одну из черт поэтического мировоззрения Тютчева, которая, на наш взгляд, также роднит его с немецкими романтиками раннего периода, а именно — «„пантеистическое“ безразличие Тютчева, его осторожное воздержание от абсолютной формулировки нравственных категорий конкретного человеческого мира».⁶⁷ А. Л. Волынский в 1900 году в статье «Философия и поэзия» писал об отношении Тютчева к природе, и в этом вновь нельзя не увидеть прямое указание на его родство с немецкими романтиками: «Тютчев называет бездну жизни безымянно. Боги набросили на нее „блистательный покров“. Но ночью бездна обнажается пред нами „с своими страхами и мглами“. Никто не описывал ночь такими волшебными красками, как Тютчев. От каждой черты веет загадкой, которая увлекает именно тем, что в ней есть зловещего, темного, непонятого <...> Он никогда не забывает, что за светлым днем следует темная ночь, что под сознанием добра и красоты шевелится бездна всякого безумия. Он знал, что глубочайшая сущность мировой души, основа всего мироздания заключена в хаосе, в демонических порывах, восстающих на все положительное и должное».⁶⁸ В статье «Современная русская поэзия» двумя годами позднее Волынский высказал очень важные для понимания поэтической родословной Тютчева мысли, назвав его «поэтом ночных откровений, поэтом небесных и душевных бездн», передающим их «смутную жизнь в тихих, трепетных словах»: «Иногда эти слова производят неожиданное впечатление в русской речи. Откуда они? Их не было в языке Пушкина <...> Ночных впечатлений нельзя передать языком Пушкина так, как они передаются языком Тютчева. Пушкин превращает хаос в конкретность, мистику мира в эмпиризм мира, а Тютчев, наоборот, все эти конкретности, все эти эмпиризмы превращает в хаос, в мистику <...> Жизнь человеческая объята снами, и светлый день есть именно сон, от которого мы пробуждаемся в ночь, в смерть. Такова поэзия и философия Тютчева».⁶⁹ Бальмонт, словно вторя Волынскому, подчеркивал, что все в поэзии Тютчева «исполнено стихийной значительности, окрашено художественным мистицизмом». «Это поэзия, — писал он, — более интимная, находящая свое содержание не во внешнем мире, а в бездонном колодце человеческого „я“, созерцающая Природу не как нечто декоративное, а как живую цельность».⁷⁰

В. Ф. Саводник, автор работы «Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева», опубликованной в 1911 году, называет те основные черты его поэтического мировосприятия и философии, которые, как нам представляется, в значительной степени родились в его поэзии и получили свое дальнейшее развитие под влиянием немецкого романтизма: 1) «природа как постоянный источник вдохновения», будивший «творческую фантазию»;

⁶⁴ Заря. 1870. № 9. С. 129.

⁶⁵ Григорьев А. Соч. / Под ред. Н. Н. Страхова. СПб., 1876. С. 378, 625.

⁶⁶ Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. 1848–1892 гг. СПб., 1897. С. 83.

⁶⁷ Философские течения русской поэзии: Избранные стихотворения и критические статьи С. А. Андреевского, Д. С. Мережковского, Б. В. Никольского [и др.] / Сост. П. Перцов. СПб., 1896. С. 220.

⁶⁸ Волынский А. Борьба за идеализм: Критические статьи. Пб., 1900. С. 230, 227–228.

⁶⁹ Волынский А. Современная русская поэзия // Северные цветы на 1902 г., собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1902. С. 230, 231.

⁷⁰ Бальмонт К. Д. Горные вершины: сб. статей. М., 1904. Кн. 1. С. 64.

2) два начала, питавшие поэзию? — «аполлоновское» и «дионисийское», составлявшее «истинную основу творческой индивидуальности Тютчева»; 3) интерес поэта к «бурным явлениям природы», стоявший «в тесной связи с некоторыми чертами его мирозерцания и особенностями душевного склада»; 4) растворение души поэта «среди окружающей природы», утрата «сознания резкой грани, разделяющей я от не-я», «жажда самозабвения, жажда слияния с макрокосмом»; 5) поэтическое переживание «рокового разрыва между человеком и природой» и связанные с ним «страх смерти, страх уничтожения», «духовная непроницаемость личности»; 6) проявление в любви «роковой силы самоутверждения, делающей личность „игрой и жертвой“ собственных страстей и вожделений»; 7) постижение посредством «интуитивного прозрения» «изнанки мировой жизни» — «без-образного и безобразного хаоса»; 8) «сознание пустоты и бессмысленности бытия, как человеческого, так и мирового», «настроение мировой скорби». Наконец, Саводник прямо находил в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...» влияние натурфилософии Шеллинга и Л. Окена.⁷¹

Завершим отступление двумя очень существенными для предмета нашего исследования цитатами. Наиболее лаконичным, но имеющим вес фундаментального обобщения наблюдением мы считаем высказанное В. М. Жирмунским в книге «Немецкий романтизм и современная мистика» замечание: «Тютчев вырастает всецело на почве мироощущения и идей немецкого романтизма».⁷² Второе высказывание принадлежит А. И. Белецкому, который в 1927 году в статье «Очередные вопросы изучения русского романтизма» подчеркивал, что Тютчев «до конца сохранил связь с „немецкой струей“ русского романтизма» и что именно «романтизм выдвинул Тютчева, сделавшегося фактом русской литературы».⁷³

Все оценки и наблюдения, которые мы привели выше, напрямую соотносятся с содержанием публикуемых нами протокола заседания и доклада Гудзия и подкрепляют основные их положения. Нам представлялось важным показать, что, затронув проблему, стоящую на границах разных областей знания — литературоведения, философии и отчасти даже психологии творчества, Гудзий имел значительное число предшественников — «единомышленников». Его работа была и фундаментальным обобщением, но главным образом — преломлением в этом свете собственных новаторских наблюдений, касающихся столь своеобразной литературоведческой проблемы, — и большим шагом вперед на долгие годы.⁷⁴

⁷¹ Саводник В. Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911. С. 164–165, 179–180, 184–187, 190–192, 197–198, 209–210.

⁷² Жирмунский В. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. С. 197. Ср.: «...Пушкин завершает собой развитие классической традиции в русской поэзии, восходящей к Державину и Ломоносову и воспитанной на французской поэтической культуре, в противоположность Жуковскому, Тютчеву и Фету, примыкающим к немецкой романтической линии <...> Лермонтов и Тютчев, во многом связанные с Пушкиным, подчинили материалы, заимствованные от учителя, законам иного, романтического стиля <...> Пушкинскую традицию совершенно вытеснила другая, романтическая традиция, восходящая к Жуковскому» (Жирмунский В. М. Валерий Брюсов и наследие Пушкина: Опыт сравнительно-стилистического исследования. Пб., 1922. С. 92).

⁷³ Русский романтизм: сб. статей / Под ред. А. И. Белецкого. Л., 1927. С. 17, 24. Об этом же писал и Д. Д. Благой, особенно отмечая сохранение Тютчевым творческой независимости при восприятии литературного и философского опыта немецких романтиков и «глубоко-органический характер, который имело воздействие на Тютчева тематики и стиля немецкого романтизма»: «...следуя в основном романтической тематике, Тютчев вносит в нее некоторые специфически-свои мотивы, сообщает ей специфическую окрасченность» (Благой Д. Три века: Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв. М., 1933. С. 193).

⁷⁴ Единственный опыт приближения другого исследователя к теме, избранной Гудзием для своего доклада, в рамках работы ГАХН — это доклад П. С. Попова «Тютчев и Шеллинг», зачитан-

Протокол № 7 заседания Исторического отдела
Литературной секции от 29 февраля 1924 г.

Присутствовали: Л. П. Гроссман, П. И. Карпов, М. А. Петровский,
И. Л. Поливанов, Д. С. Усов (секретарь), Г. И. Чулков, В. В. Яковлев.

Председатель: Н. К. Гудзий

Секретарь: Д. С. Усов

<...>

Заслушано 3. Доклад Н. К. Гудзья «Тютчев и немецкий романтизм» (на время доклада Гудзья председательствовать доверено Чулкову).

Поэзия Тютчева долго ждала своего истолкования.

В пушкинскую пору поэзия Тютчева протекала в русле классического направления, а когда тон был дан Лермонтовым — она шла уже в русле *романтического* направления, но не того, которого держался Лермонтов. Тютчев является в своей поэзии, с ее тематической и формальной стороны, отражателем тех настроений, которые характерны для раннего немецкого романтизма в его йенскую и отчасти гейдельбергскую пору. Докладчик излагает черты коренного мировоззрения романтиков и прослеживает многообразные отражения их на всем пространстве тютчевской поэзии.

Позитивный человеческий ум для Тютчева — самодовольное безумие, зарывшееся в песках и мнящее, «что слышит струй кипенье, что слышит ток подземных вод»; человеческая мысль — струя водомета, упорно падающая вниз.

На ряде образцов из Новалиса и Тика⁷⁵ докладчик показывает разлитое в творчестве романтиков *чувство природы*; это чувство находит мощное воплощение у Тютчева (хотя бы в стих <отворении> «Нет, моего к тебе пристрастья я скрыть не в силах, мать-земля...»).

Романтический идеал светлой бездеятельности (у Шлегеля), тема вечного странничества также отражаются у Тютчева. Подобно романтикам, Тютчев охотно рисует природу в ее расцвете, избытке и полноте; докладчик отмечает изобилие звуков и красок в романтической природе; у Тютчева — «...И мир цветущий, мир природы, избытком жизни упоен». Природа для Тютчева и для романтиков не мертвый механизм, а стройный космос.

Констатируется преобладание стихотворений, посвященных весне и лету и стихии грозы у Тютчева. Правда, Тютчев любит и ущербную природу — но потому, что ущерб этот говорит ему о недавнем преизбытке.

Влечение к дисгармоническому бытию, представление о Хаосе, как первооснове мира, типично и для романтического сознания; это положение иллюстрируется образцами из Тика (говорящего прямо о «пустом, глухом хаосе»). Докладчик ссылается на Гофмана (для которого мир — иллюзия, который ощущает беспричинные страхи, присутствие враждебных сил, видит борьбу мировых начал) и на Арнима (для которого мир — маскарад и который считает, что в мире по-настоящему живут только сомнамбулы, обладающие вторым зрением). Тема снов проходит у Тютчева через все его творчество. Человек и все человеческое для Тютчева (как и для Гофмана и Арнима) преисполнено бессилия; утверждается власть рока. «Роковой» — это излюбленный эпитет Тютчева.

Далее докладчик касается вопроса о чувственной любви в романтической литературе («Вильям Ловель» Тика, «Люцинда» Шлегеля, «Годви» Brentano

ный на заседании Пленума Философского отделения РАХН 15 апреля 1924 года (см.: Государственная академия художественных наук. Отчет: 1921–1925. С. 20, 117; Искусство как язык — языки искусства. Т. 2. С. 775–776).

⁷⁵ О переключках поэзии Тютчева с произведениями Новалиса и Л. Тика см., в частности: Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 193–194, 221.

и др.). И для Тютчева любовь — страсть, близкая к хаосу, любовное чувство неотразимо. Отмечается жестокость любви у романтиков и отражение этого момента у Тютчева; близнец любви — самоубийство; указывается на апофеоз самоубийства в литературе романтизма и на самоубийство в личной биографии немецких романтиков («Mal'aria»); поэту мило также все то, что напоминает смерть.

Докладчик останавливается на вопросе о романтической иронии, возникающей в результате сознания *невоплотимости* человеческих порывов в искусстве, сознания разлада между тем, что художник может и что он должен. О бессилии искусства говорит Тик в «Штернбалде» («Как бессильны твои звуки в сравнении с мощным органом природы...»), Вакенродер и др. Романтики стремятся приспособить внутренние качества слова к идеалу выразительности. Тик пишет словесные симфонии и пытается выразить словами характер музыкальных инструментов. Романтики стремятся к густым, ярким краскам и в то же время для них характерна склонность говорить полутонами. Для романтиков типично пристрастие к архаизму языка (то же и у Тютчева).⁷⁶

Докладчик упоминает о поэтике Тютчева; он указывает на богатство метафор (напр<имер>, «румяное громкое восклицанье» солнечного луча), инструментовки, ассонанса и строфики у Тютчева, на яркость и точность тютчевского эпитета.

Заключая свой доклад, Н. К. Гудзий говорит, что пытался в нем схематично наметить основные особенности сходства Тютчева с романтиками. Тютчев — один из наиболее ярких выразителей романтического жизнеощущения в русской поэзии. Тютчев был насадителем у нас романтической культуры и одним из крупнейших ее участников; то, что в Германии было сделано совокупными усилиями, Тютчеву пришлось проводить одному. Тем виднее его роль и в русской поэзии и, может быть, в русском философском мировоззрении. Н. К. Гудзий приходит к следующим выводам:

1. Причина малой популярности Тютчева в России, особенно в первую половину его литературной деятельности, заключается в значительной степени в том, что он возрос на культуре немецкого романтизма, преимущественно раннего, тогда как наша поэзия в ту пору развивалась в русле классической традиции Пушкина и его плеяды.

2. Связь Тютчева с немецким романтизмом сказывается в его взгляде на роль иррационального в жизни, в концепции мира и природы, в переживании и поэтической трактовке чувства любви.

3. Тютчевская концепция хаоса стоит также в тесной связи с высказываниями Тика, Арнима, Гофмана, Шеллинга. Как и романтики, Тютчев ощущал присутствие хаоса не только в мире природы, но и в душе человека. Отсюда жадная тяга души к злу, к смерти, к роковой и запретной любви.

4. Одно из центральных романтических учений — учение об иронии также не осталось чуждым Тютчеву и ярче всего сказалось в ст<ихотворении> «Silentium».

5. Убедительнее всего Тютчева с романтиками сближает его поэтика, приемы его творчества (тютчевская метафора, ритмика, строфика, эвфония).

6. Тютчев отнюдь не покрывался западной романтической традицией и не во всем, разумеется, совпадал с ней. Прикосновение Тютчева к романтизму было органичным, и он, наряду со своими западными собратьями, явился

⁷⁶ Ю. Н. Тынянов отмечал у Тютчева «ориентацию на архаических поэтов» (Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л., 1924. С. 60) и утверждал, что поэт «является канонизатором архаической ветви русской лирики» (Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 387).

одним из видных участников того литературного и философского течения, которое так захватило умы XIX ст<олетия>.

М. А. Петровский⁷⁷ находит, что вопрос об отношении Тютчева к романтизму и после доклада Н. К. Гудзия, приводившего очень яркие сближения, в основной своей части остается неразрешенным. Ранние стихи Тютчева относятся к 20-м годам. Интересно выяснить реальную почву для рецепции романтического мироощущения у Тютчева: это зависит от возможности использования биографического материала в этом направлении.

Оппонент касается отдельных пунктов доклада. Так, напр<имер>, в трактовке вопроса о романтическом культе детскости замечается некоторая натяжка у докладчика; о таком культе вряд ли можно говорить в связи с творчеством Тютчева. В вопросе об отношении Тютчева к разуму у докладчика усмотрено нечто более специфическое, нежели то, о чем можно говорить. Проблема эта слишком подчеркнута; у романтиков она гораздо сложнее. Говоря об отношении Тютчева к разуму, может быть, можно было говорить и о Паскале (выражение «мыслящий тростник»).

Вообще, в докладе придана специфичность общезначным симптомам. Роль романтизма Тютчева ограничена указанием на связь с ранним немецким романтизмом (понимаемым к тому же очень широко — к нему причисляется и Арним).

У Тютчева можно было констатировать известную связь с Гейне — в композиционных приемах, в особой иронии, уже отошедшей от романтической; оппонент ссылается на стихотворения Тютчева «Ученый пастор сановитый...», «На камень жизни роковой...» — это последнее стихотворение построено аналогично гейневским (сходство, напр<имер>, в заключении его: «А спорил в жизни только раз — на диспуте магистра»).

Далее оппонент указывает, что момент *ущербности* в лирике Тютчева также истолковывается докладчиком в свою пользу; любовь к ущербной природе можно связать с любовью Тютчева к злу вообще.

Возвращаясь к вопросу об отношении Тютчева к разуму, оппонент напоминает о встрече Тютчева с Шеллингом, о которой рассказал Пфеффель. Философия Шеллинга, хотя и относящаяся к 30-м годам, органически связана с ходом романтического развития мысли. Сам Тютчев в отношении религии для нас очень неясен. У Тютчева наблюдается всеобщая анимизация; даже ко времени и пространству Тютчев относится как к живым сущностям.

В заключение М. А. Петровский указывает, что было бы интересно обследовать метафоры и тропику Тютчева; работа в этом направлении могла бы дать много материала для сближения Тютчева с немецкими романтиками.

А. К. Горностаев⁷⁸ выдвигает вопрос, почему поэзия Тютчева, как это отмечено докладчиком, прошла незамеченно при своем появлении. Интересно было <бы> отметить то *новое*, что принес Тютчев из Германии. Общие черты с романтиками, указанные для Тютчева, могли бы быть найдены и у целого ряда других писателей — до Достоевского включительно.

Л. П. Гроссман считает, что в прочитанном докладе представлены prolegomena к более углубленному изучению той же темы. Желательно подвести еще два основания: 1. Укреплению фундамента способствовало бы рассмотрение

⁷⁷ Петровский Михаил Александрович (1887–1937, расстрелян) — литературовед, историк немецкой литературы, переводчик, в 1923–1930 годах заведовал Подсекцией теоретической поэтики Литературной секции ГАХН.

⁷⁸ Горностаев (наст. фам. Горский) Александр Константинович (1886–1943, умер в заключении) — религиозный философ, литературный критик, писатель, активный участник работы Литературной секции ГАХН, в частности — Ассоциации по изучению творчества Александра Блока.

личных отношений Тютчева с романтиками Германии; здесь, прежде всего, следовало бы обратить внимание на мюнхенскую поэтическую богему. Биографическое изучение Тютчева в Мюнхене могло бы дать немало оснований для более уверенных утверждений. Здесь, может быть, следовало остановиться на ряде поэтов второстепенных; таков, напр<имер>, Савиньи. Исходя в области юриспруденции из романтической философии, он был поэтом (оппонент ссылается на кажущееся ему значительным стихотворение Савиньи «Лебедь») <...> 2. Наряду с этим желательнее провести методологическую линию влево и изучать композиционные приемы Тютчева, проследив на них воздействие германской романтической школы.

Н. М. Чирков⁷⁹ считает, что метод, примененный в данном докладе, приводит к обезличению поэта. Выдвигаются общие моменты, благодаря чему получается стилизация Тютчева под романтизм. В докладе Тютчев изменил свою физиономию. Оппонент относит это к пункту о любви Тютчева; ведь чувственность есть и в лицейских стихотворениях Пушкина. При таком методе расширяются границы романтического мироощущения, которое становится беспредельным; понятие его делается неясным. Оппонент говорит об источниках тютчевского хаоса — они действительно коренятся в романтическом мироощущении. Но у Тютчева этот образ представляет собою очень большое поэтико-философское обобщение.

М. М. Кенигсберг⁸⁰ указывает, что самое понятие «романтизм» в докладе недостаточно выделено и ограничено. Доклад вызывает впечатление, что Тютчев заимствовал целый ряд мотивов из произведений ранних романтиков, которых он биографически знать не мог <...> Влияние раннего немецкого романтизма на Тютчева было, по-видимому, книжным <...>.

Далее оппонент касается замечания докладчика об *иронии*. Романтическая ирония дошла до цинизма у Гейне. У романтиков этот цинизм был дан в зародыше («Люцинда»). Новалис до цинического предела иронии не дошел <...> «Silentium» Тютчева надо толковать как символическое и в этом смысле высоко реалистическое стихотворение (следуя в этом понимании Г. Г. Шпету⁸¹). Говоря об этом стихотворении, надо искать у Тютчева путей *преодоления иронии*, и не столько о влиянии, сколько именно о *преодолении* романтизма надо говорить при разработке важной темы, избранной Н. К. Гудзием.

Г. И. Чулков находит, что Н. К. Гудзий коснулся самой загадочной и трудной темы по Тютчеву. В биографии Тютчева для этой темы нет ниче-

⁷⁹ Чирков Николай Максимович (1891–1950) — историк русской и зарубежной литературы, педагог, в описываемое время — аспирант ГАХН.

⁸⁰ Кенигсберг Максим Максимович (1900–1924) — лингвист, литературовед, философ, ученик Г. Г. Шпета; участвовал в работе Комиссии по изучению художественной формы Философского отделения ГАХН.

⁸¹ Ср. в «Эстетических фрагментах» (1922–1923) Г. Г. Шпета: «Символ — сопоставление порядка чувственного со сферой мыслимого, идеи, идеальности, действительного опыта (переживания) со сферой идеального <...> символизм также есть существенный признак всякой поэзии. Учение о поэтической методологии есть логика символа, или *символика* <...> символика поэтическая, фундамент всей эстетики слова как учения об эстетическом сознании в его целом. Это — высшая ступень эстетического поэтического восхождения. Эстетическое сознание здесь пламенеет на высшей ступени поэтического проникновения в смысл сюжета (в содержание предмета), переплавляется в высшее поэтическое разумение <...> Как логический смысл есть данное, уразумеваемое в данном контексте, так символический смысл есть творимое, разумное в творимом контексте <...> Через символ внутреннее есть внешнее, идеальное — реальное, мысль — вещь. Через символ идеальная мертвая пустота превращается в живые вещи <...> Истинно, истинно SILENTIUM — предмет последнего видения, над-интеллектуального и над-интеллигибельного, вполне реальное, ens realissimum. Silentium — верхний предел познания и бытия» (Шпет Г. Г. Соч. / Предисловие Е. В. Пастернак. М., 1989. С. 357, 411–413).

го. Письма Тютчева из Мюнхена, адресованные родителям и другим лицам, много говорят о светской жизни, но решительно ничего о литературе. Одна неопубликованная записка барона Пфедфеля говорит, что Тютчев любил рассказывать о том, как он появился в Мюнхене под звуки «Волшебного Стрелка». Докладчик коснулся нескольких планов: и психологического, и религиозно-философского, отчасти и биографического, и области поэтики. Оппонент присоединяется к мнению, что формальный анализ дал бы больше. Но само задание доклада чрезвычайно интересно. Знаменитый разговор между Тютчевым и Шеллингом тоже, в сущности, загадочен. Сближения с романтизмом ценны, когда устанавливается, что Тютчев противопоставлял романтизму <...> В докладе упрощена характеристика романтической любви. Тютчев находится в более низкой сфере любви, чем Новалис. Даже воспевая «вечную» любовь, Тютчев был привязан к любви психологической и чувственной. <...>

Н. К. Гудзий благодарит оппонентов за сделанные ими замечания и говорит, что ему была понятна вся трудность разработки подобной темы. Его задачей было лишь поставить те общие вопросы, подчеркнуть те *общие* проблемы, которые сами собою приходят в голову при сопоставлении Тютчева с немецким романтизмом. М. А. Петровский выдвинул проблему личного отношения Тютчева к немецким романтикам, но тут нас встречает полное отсутствие биографических данных. Докладчик готов принять возражение о недостаточной разработанности вопроса о проблеме разума у Тютчева и у немецких романтиков. Романтическое мироотношение Тютчева, может быть, нельзя было стеснять рамками раннего романтизма, но это вытекало из самого существа романтизма, который весьма разнолик. В вопросе о любви Тютчева к моменту расцвета природы и к ее ущербной поре докладчик имел в виду исключительно количественное соотношение.

Что касается поэтики — никто не станет отрицать, что все средства тютчевского претворения речи, несомненно, романтического происхождения. Эта сторона — наиболее очевидна. Этих вопросов докладчик касается в своей большой, еще неоконченной работе о поэтике Тютчева.⁸²

Пушкин так мало высказывался о Тютчеве, может быть, потому, что Тютчев не входил в определенный дружеский кружок, во главе которого стоял Пушкин или к которому он примыкал. Указывалось на неубедительность частных совпадений с романтизмом, напр<имер>, в вопросе о чувственности, о спокойной лени (настроение, отмечавшееся и по отношению к Пушкину лицейского периода). Но ведь характерны не отдельные совпадения, а совокупность элементов, из которых складывается поэтическое мировоззрение.

На замечание одного из оппонентов Н. К. Гудзий положительно отвечает, что Достоевский был типичным романтиком. Алеша Карамазов и его жизненный путь и есть то, что романтиками преподносилось как идеальный путь человека.

М. М. Кенигсберг указывал на необходимость разграничения раннего и позднего романтизма; но у Тютчева не приходится искать точного соответствия с тем или иным периодом романтизма, и по вопросу об отличии Тютчева от романтиков докладчик предполагает, что Тютчев был слишком болезненно натурой, чтобы усвоить себе ту все же, в конце концов, побеждающую жизнь философию, которой проникнут немецкий романтизм, то конечное оправдание и утверждение жизни, которое для него характерно.

⁸² Речь идет, по-видимому, об исследовании Гудзия «Тютчев в поэтической культуре русского символизма» (1930; подготовлено к печати в 1928 году), предистории создания и основных положений которого мы коснемся во второй части настоящей статьи.

Относительно взгляда Пушкина на Тютчева и отношений Пушкина к Тютчеву докладчик полагает, что выдвигаемые данные дают слишком мало для суждения. Тютчев, как поэтическое явление, не обратил на себя внимания Пушкина.⁸³

* * *

28 мая 1924 года на заседании Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении Гудзий выступил с докладом «Декларации литературных объединений в эпоху октябрьской революции», посвященным анализу книги Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова «От символизма до „Октября“» (М., 1924).⁸⁴ Это издание было первой попыткой столь полно и, что самое главное, — по возможности объективно (разумеется, исходя из социально-политической «оптики» составителей) представить материалы по истории литературной жизни за три десятилетия, предшествующие выходу книги. Авторы ее коснулись целого ряда направлений (достаточно обширного по охвату) — символизма, акмеизма, футуризма, имажинизма, экспрессионизма, биокосмизма, люминизма, формлибризма, классицизма, эмоционализма, фуизма, конструктивизма, творчества ничевоков и «Серапионовых братьев», а также пролетарской поэзии.

На книгу успела тяжелым грузом опуститься печать времени. В предисловии составители, связывавшие предреволюционную эпоху, прежде всего, с «распадом общественной жизни и мысли», писали: «...историческое обозрение поможет также отчетливее представить социальные основы литературных школ, упадочность одних и творческую устремленность других, как результат борьбы отживающих и выходящих на арену строительства жизни новых общественных сил».⁸⁵ Во втором издании, вышедшем спустя пять лет, в трудное для всей русской культуры, в том числе и для филологической науки, время, составители отказались от значительной части собранного материала в угоду актуальной не столько литературной, сколько политической ситуации: «В новом издании значительно сокращен отдел манифестов и высказываний предреволюционных литературных течений, а также тех литературных групп, которые, возникнув в революционную эпоху, были недолговечны, умерли почти в день своего рождения <...> Зато в книгу введен обильный материал, вскрывающий творческую диалектику литературного движения нашей революционной современности».⁸⁶

Надо сказать, что уровень обсуждения первого издания книги 1924 года сам по себе превосходил уровень его подготовки, более того — резко контрастировал с отзывами, которые появились в печати вскоре после его выхода. В качестве примера приведем отдельные пассажи из рецензии В. А. Силлова, увидевшей свет в журнале «ЛЕФ» под заглавием «Профессорская халтура» и полной несправедливых оценок, вдобавок выраженных в грубой форме: «...сборник представляет собою бессистемные перепечатки из различных изданий, к собранию и расположению которых составитель не приложил никаких критериев. Механическая выборка материалов и расположение их в хронологическом порядке — вот в чем выразилась „работа“ составителей <...>

⁸³ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карг. 11. № 2. Л. 17–20 (машинопись); РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 6. Л. 42–46 об. (машинопись; автограф тезисов — на л. 47–47 об., заключительные выводы доклада, зафиксированные в протоколе, дословно их повторяют).

⁸⁴ 25 марта 1924 года Гудзию было поручено реферировать эту книгу (Там же. Оп. 13. № 5. Л. 95).

⁸⁵ От символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М., 1924. С. 3, 4.

⁸⁶ Литературные манифесты: От символизма к Октябрю. Сб. материалов / Приготовили к печати Н. Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н. П. Сидоров. [2-е изд.]. М., 1929. С. 6.

Снесите эту книгу в литкружок любого рабклуба, рабфака, вуза — там не сумеют даже приступить к ней <...> Обилие программных стихов Белого, Брюсова, Северянина и ни одного стихотворения Безыменского в отделе пролетпоэзии!.. Так под маркой псевдобеспристрастности и псевдонаучности халтурят профессора, выпуская книги под своим именем, не проделав никакой работы над собранным материалом».⁸⁷ Трудно расценить подобные выпады как «конструктивную критику». В то время, как замечания, сделанные на заседании в ГАХН, один из составителей, высказавшихся в прениях публично, принял с благодарностью «за внимание, оказанное книге», а другой, отвечая на справедливые упреки в неполноте состава издания, указал на то, что книга «была задумана шире», но недостаток места не позволил выпустить ее в первоначальном виде (мы предполагаем, что действительные причины носили более серьезный, политический характер).

Протокол № 34 заседания Отдела изучения революционного искусства при Социологическом Отделении РАХН от 28-го мая 1924 г.

Присутствовали: Н. Ф. Бельчиков, Н. Л. Бродский, Б. В. Горнунг, И. Г. Званский, М. М. Кенигсберг, П. А. Кузько, А. Г. Левенталь, Р. С. Мандельштам, Н. И. Пожарский, Н. П. Сидоров, Д. С. Усов.

Председатель Д. С. Усов

За секретаря А. Г. Левенталь

Заслушано I. Доклад Н. К. Гудзия «Декларации литературных объединений в эпоху октябрьской революции» (по поводу книги Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова «От символизма до „Октябрь“». М., 1924).⁸⁸

Докладчик указывает на значительность книги «От символизма до „Октябрь“», представляющей собою ценный вклад в изучение литературных высказываний и манифестов. Остановившись на мелких ее недочетах (по мнению докладчика, желательно было бы к имеющемуся в книге материалу прибавить еще некоторые статьи, в частях, касающихся символизма, имажинизма и конструктивизма — для оценки последнего, безусловно, важна книга И. Эренбурга «А все-таки она вертится»),⁸⁹ Н. К. Гудзий переходит к обзору и оценке самого материала. Докладчик отмечает, что ряд манифестов представляет собой только теоретические высказывания, не оправданные поэтической практикой; таковы в огромном большинстве случаев манифесты послереволюционные, писавшиеся *независимо* от самого творчества поэтов. Остановившись специально на декларациях пролетарских поэтических объединений, Н. К. Гудзий указывает, что то, что говорят авторы их о связи экономики с поэтикой, относится больше к связи экономики с мирозерцанием вообще. В начале манифесты, выходящие из пролеткультов, дают простор всем творческим силам. Но в дальнейшем заостряется классовая точка зрения

⁸⁷ Силлов В. Профессорская халтура // ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 153, 154.

⁸⁸ Тезисы доклада: «1. Книга „От символизма до „Октябрь““ представляет собой ценный вклад в изучение литературных высказываний и манифестов. 2. Желательно было бы к уже имеющемуся в книге материалу прибавить еще кое-какие статьи в частях, касающихся символизма, имажинизма, конструктивизма. 3. Ряд манифестов представляет собой чисто теоретические высказывания, не оправданные поэтической практикой» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 13. № 5. Л. 116; автограф).

⁸⁹ Речь идет о напечатанном в берлинском издательстве «Геликон» в 1922 году сборнике эссе И. Г. Эренбурга, посвященных изобразительному искусству XX века, взятому широко (живопись, архитектура, скульптура, фотография). Обложка книги была выполнена Ф. Леже, а на ее страницах были опубликованы репродукции работ Ж. Липшица, Эль Лисицкого, А. Родченко, В. Татлина и др.

и производится строгий отбор из наследия русской литературы («Кузница»). Объединение «Октябрь» уже не дает широкого доступа разнообразным творческим силам; манифест этой группы рассматривает литературу с точки зрения *утилитарной*. Н. К. Гудзий находит, что из современных литературных направлений наиболее жизнеспособными представляются: футуризм, пролетарская школа и «классицизм».

М. М. Кенигсберг указывает на большое удобство разбираемой книги, как справочника при занятиях «историей поэтического сознания в России за последнюю четверть века». Оппонент напоминает, что *поэтика* (напр<имер>, поэтика Горация, французская поэтика 16-го века, поэтика Буало) представляется *канонизирующей* и *ассимилирующей*, и в этом смысле поэтику должно резко отделять от *манифеста*. Указываются пробелы для символизма, акмеизма, футуризма, имажинизма. Желательно было представить символизм, как не вполне единое течение; в равной мере дифференциации в среде самого футуризма следовало бы подчеркнуть подстрочными примечаниями к приведенным манифестам. Но эти пробелы не лишают книги ее ценности, далеко выходящей за пределы утилитарной.

Н. Л. Бродский указывает, что книга была задумана шире. Школа символизма, например, должна была быть представлена не только в декларациях, но и в целой буре «антидеклараций». Недостаток места вынудил составителей дать *один текст*, отказавшись от комментариев оценочного типа (неизбежно субъективных) — объективная <по>дача чистых текстов представлялась составителями более ценным приемом. Кроме того, в настоящее издание включались только такие манифесты, которые вели за собою *школу*.

Н. П. Сидоров обсуждает некоторые библиографические <до>полнения Н. К. Гудзиев и М. М. Кенигсберга и приносит благодарность Отделу изучения революционного искусства за внимание, оказанное данной книге.

Д. С. Усов указывает на то, что изучение литературных деклараций октябрьской эпохи является одной из тем, поставленных в плане историко-теоретической части Отдела изучения революционного искусства; книга Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова, собравшая материал для такого изучения, представляет собою первостепенный интерес для Отдела, преимущественно в части, касающейся творчества *пролетарских* поэтов.⁹⁰

⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 13. № 5. Л. 115–115 об. (машинопись).